

ПРОРОЧЕСКИЙ ЭПАТАЖ

Мир Юрия Мамлеева сквозь призму эзотерики

ПО ПРИЧУДЛИВОЙ конкретности предсказаний, появившихся за последние двести лет, Россия бесспорно занимает первое место в мире. Даже общая и расплывчатая идея о конце света у наших доморожденных но-страдамусов приобретает особые пафос и значительность, а главное: предстает персонифицированной и связывается с определенными историческими ситуациями и коллизиями. Вспомним, к примеру, пророчество вешего Авеля, современника Екатерины II и Павла I, о том, что последний русский царь из династии Романовых сменит корону царскую на венец терновый, примет страдания нечеловеческие и станет царем-мучеником.

О том же пророчествовал, уточняя время и место ожидаемой трагедии, Серафим Саровский, который предсказал Александру I, что род Романовых просуществует три столетия и три года, что начнется он и закончится в доме Ипатьева.

Все эти пророчества представлялись убедительными еще и потому, что исходили от людей необыкновенных, обладавших проповедническим даром. Недаром же со времен Державина и даже раньше авторитетнейшим пророком у нас, россиян, считался и считается вития, мыслитель, поэт, который не только предчувствует будущее, при этом избегая в своих прогнозах отвлеченностей и недомолвок, но и силой данного ему Богом таланта внушает окружающим людям веру, что высказанное им обязательно сбудется. Кроме радения за человека, этой обязательной нравственной подоплеку большинства пророчеств, в них содержится также глубокое недовольство существующим порядком вещей — отсюда и представление о будущем либо как о счастливой альтернативе неблагоприятному настоящему, либо как о продолжающемся существовании той же самой недостойной человека жизни, но в ее наилучшем виде. В наши дни предупреждения о конце света со стороны людей пишущих, особенно в России, безмерно политизированы. Современникам подчас бывает трудно разобраться, кто из религиозных пророков настоящий, а кто мнимый. Вот почему предвидения и предчувствия писателей, людей в большинстве своем светских и негосударственных, понемногу вновь начинают пользоваться в современной России авторитетом и доверием.

Юрий Мамлеев известен еще со времен «самиздата» и «тамиздата» как писатель эпатажный и мрачный.

Ему всегда удается своими рассказами нагнать на читателя страх. Неважно, где живет этот читатель — в Москве или в Нью-Йорке, или в медвежьем углу, на краю света, в какой-нибудь зарубежной тмутаракани. Ситуации, в которых оказываются его герои, настолько дурны, что поневоле сомневаешься, возможны ли вообще подобные паскудства в реальной человеческой жизни. По крайней мере так думалось в семидесятые и восьмидесятые годы, когда рассказы Мамлеева в основном существовали в машинописи. Выпущенные в 1981 и 1986 годах эмигрантским издательством «Третья волна» сборники рассказов Юрия Мамлеева «Изнанка Гогена» и «Живая смерть» с иллюстрациями Михаила Шемякина заставили говорить о нем как о писателе с метафизическим подтекстом, под которым скрывалась, как тогда казалось, всяческая мис-

тическая чертовщина в духе Гоголя и Достоевского. Иными словами, Юрий Мамлеев любил побродить в потемках души человеческой если уж не с дубинкой разбойника, то обязательно со скальпелем патологоанатома. Чего стоит, к примеру, история о путешествии некоего Паши на тот свет или повествование о том, как муж, испрашившись поутру на подушку супружеской кровати, оставляет своей спящей жене письмо с душераздирающей исповедью, в которой содержится объяснение этого сумасшедшего поступка («Письмо»). Этот незадачливый человек, как обычно и другие герои рассказов Мамлеева, впадает в состояние медитации, размышляя о странных метаморфозах, происходящих с его женой: «Глашенька, лицо твое превращается в задницу, а задница превращается в лик» («Письмо»). Для последующих своих рассказов, собранных в сборнике «Черное зеркало», который был выпущен недавно московским издательством «ВАГРИУС», писатель приберет еще более омерзительные сюжеты, которые не только не вписываются ни в какие нравственные рамки, но и вдобавку разбивают хрустальную мечту наивных людей о победе добра над злом, а здравого смысла — над бессмыслицей жизни.

В новом, преобразованном современной цивилизацией мире все поставлено с ног на голову, потому-то и люди, приспособиваясь к его законам и понятиям, предпочитают жить совсем без мозгов, дабы не сойти с ума: «Ты в Москву поезжай или за границу. Там, говорят, профессоры мозги кастрируют» («Счастье»).

Обыкновенная жизнь, к какой мы с детства привыкли, удаляется в подсознание, и это уединение тут же вызывает кошмарные потусторонние видения, в которых деформированная человеческая плоть соединяется черт знает с чем. Мир рассказов Юрия Мамлеева, кажется, живет между человеком и зверем, жизнью и смертью не существует четких границ. Однако думать таким образом значит заблуждаться. В этом мире присутствуют и определенные пространственно-временные императивы. И все-таки трудно назвать происходящее в рассказах Юрия Мамлеева иллюстрацией его духовных переживаний. Писатель привык работать на большой духовной глубине, выявляя фундаментальные качества человеческой природы, и, как настоящий художник, он предугадывает и предчувствует, каким образом и как эти качества заявят о себе в ближайшем будущем в зависимости от тех или иных политических и социально-психологических условий. В этом подходе к творчеству Юрий Мамлеев бесспорно пророк и относится к так называемым ранним предтечам. А ранний предтеча, как известно, боится и не любит не только в России, но и за ее пределами. У Юрия Мамлеева двойное видение, и подобная способность его зрения так же естественна, как убеждение, а может быть, ощущение, что «жизнь

есть сон» («Смерть рядом с нами»). Остается напомнить, что пребывание в состоянии сна Абсолюта, Брахмана, и сопутствующие этому состоянию сновидения и составляют, по представлениям индусов, божественную игру, Лилу, в результате которой возникает иллюзорный мир феноменальных явлений. Процесс, художественно точно воспроизведенный у Андрея Тарковского в «Солярисе».

«Индусскостью» мироощущения Юрия Мамлеева сейчас никого не удивишь. Не он первый и не он последний обратился к истокам индийской мудрости, которая предоставляет для западного сознания множество странных ассоциаций, вызванных такими ключевыми понятиями индуизма, как Кали-юга — «черная эпоха», которой завершается каждый мировой цикл, реинкарнация — перерождение души в различных телесных оболочках, карма — своеобразное духовное воздаяние за предыду-

ды к жизни и человеку много лет назад в работе «Судьбы бытия». Писатель ни на минуту не забывает, что человеческие индивидуальности с личными жизнями и судьбами сочетаются со всеобщим Абсолютом, как капля с океаном. Согласно вере Юрия Мамлеева, Бог абсолютно имманентен человеку, то есть — практически тождествен тому, что скрыто под маской так называемого человека. Вечно духовное ядро в человеке никем и ничем неустранимо. Все меняется: телесная оболочка, психология, духовные и социальные ориентации. Одному только не дано измениться — божественной человеческой сущности, которая у христиан называется образом и подобием Божиим, а у индусов — Атманом.

Так что же предвидит Юрий Мамлеев, о чем он пророчествует в своих новых рассказах, что ожидает нас всех завтра, которое вот-вот наступит? Деформация души и тела, нарочито

случайно ведь Юрий Мамлеев в «Черном зеркале» пытается ввести читателя в строй призрачной жизни. Оказывается, что далеко не все из живущих на земле, как и его героиня Варвара, приутожили себя к вечности, большинство непривычны для жизни на том свете («Удалой»). Большой частью персонажи «Черного зеркала» — не человеческие существа в обычном смысле, а некоторые их подобие, духовные и физические мутанты, жертвы современной цивилизации, а то и вовсе зыбкие, исчезающие при появлении яркого света фантомы.

Этим иллюзорным созданиям все нипочем. Они до поры до времени неуязвимы, находятся под защитой тьмы, являясь ее детьми, «людьми могил». Их внешность и личность совмещаются, все их духовные пороки и душевные изъяны, внутренняя никчемность и уродливость отражаются во внешнем виде, преимущественно на лице, с пугающей выразительностью.

Когда же речь заходит о человеческой внешности, какие только необычные сравнения не приходят в голову писателя: «Выглядел он помятым, словно его жевала потусторонняя вселенская челюсть» («Дорога в бездну»). Или: «Глаза особенно были нечеловечьи, словно прорублены потусторонним чудовищем» («О чудесном»). Или еще: «Ее толстое, напоминающее мертвенно-холодный зад лицо» («Отношения между полами»). Герои Юрия Мамлеева издеваются уже не над «предметами» и существами (бабами, мужчинами, кошками, собаками и т.п.), а «над самим бытием» («Бегун»).

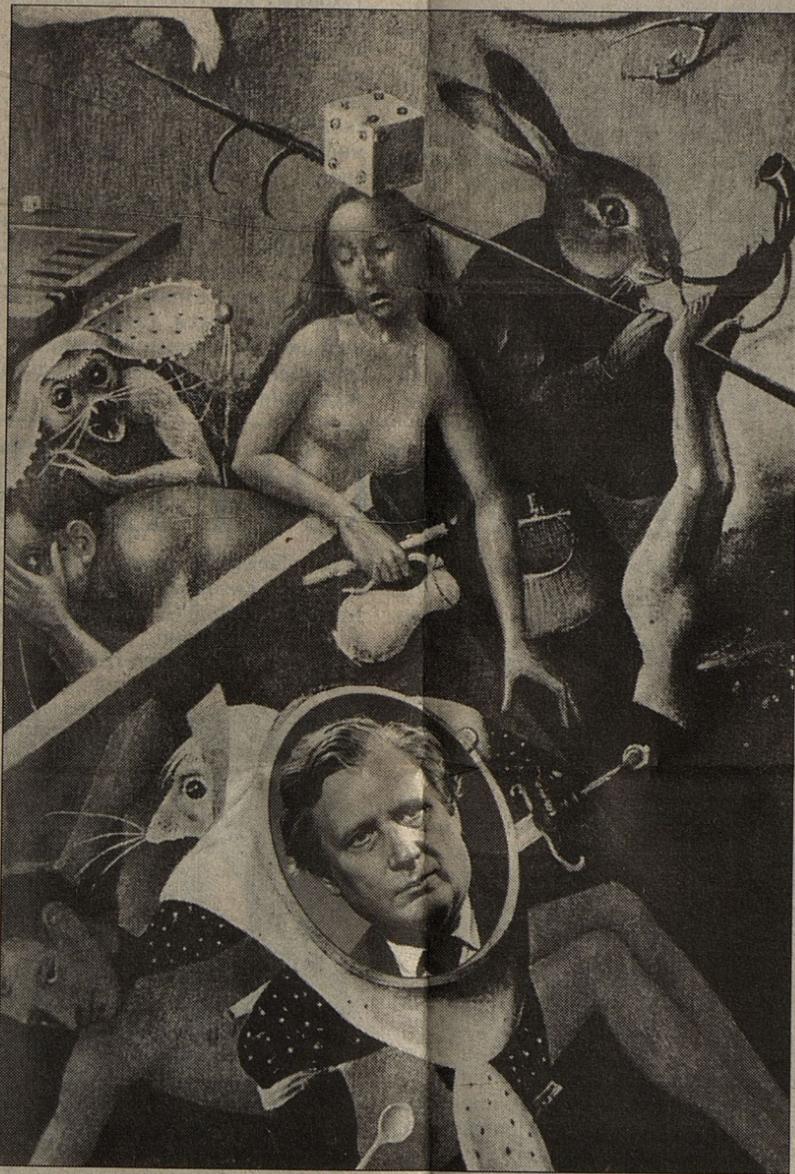
Юрий Мамлеев переворачивает низ и верх человека, выявляя его новую сущность. Поэтому-то нет ничего странного, что вместо лица у его героев возникает задница. Вообще писателю присуще повторение старых истин в неожиданно эпатажной манере.

Кажется, нет никаких шансов на выживание человеческого рода. Человек, каким он пришел к концу XX века, лишен величия и славы. Посредственные люди обратились в монстров. Теперь они уже не стражи порядка и покоя, какими были прежде, а его разрушители. Все они далеки друг от друга, словно прожигают на разных планетах. Их своеволие ничем не ограничено, как и, впрочем, словоблудие. Недаром они напоминают каких-то зверофилозофов. «Представьте себе, например, Платона, одичавшего в далеких лесах», — едва замечает Юрий Мамлеев («Отношения между полами»). Таковы условия и реальности, прохождение через которые предшествует появлению нового жизненного цикла, возвращению человечества в Золотой век.

В итоге читателю остается надеяться, что Юрий Мамлеев из «ранних предтеч» перейдет в «поздние», и до того времени, когда его пророчества сбудутся, пролегал целая вечность.

Александр СЕНКЕВИЧ,
профессор,
доктор филологических наук

В коллаже использован фрагмент триптиха «Сад земных наслаждений» Иеронима Босха

щие жизни, дхарма — духовный долг, который также определяется нравственными свершениями и падениями в предыдущих жизнях, и, наконец, «мокша» — конечное освобождение индивидуальной души, Атмана, от пут феноменального мира, прекращение ее бесконечных перерождений и слияние с Абсолютом, Брахманом.

Дух жизни, как его понимает Юрий Мамлеев, наилучшим образом, почти адекватно, передается через призму этих фундаментальных индусских понятий. Мамлеев раскрыл эти свои религиозно-философские подхо-

удство, возведенное в эталон красоты, глумление над человеком как эстетический принцип нового искусства и отказ от этического целомудрия в угоду грубой чувственности — все это зримые приметы нашей повседневности. К этим реальностям конца двадцатого века мы, кажется, привыкли.

Теперь нас мучает другое: сбудется ли пророчество Но-страдамуса о ближайшем конце мира, о котором предупреждали также и древние индусы как о завершающей стадии Кали-юги? Уцелеет ли вообще завтра чудотворный дар жизни? Не